

Артур Конан
ДОЙЛ

ЭТЮД
В БАГРОВЫХ
ТОНАХ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Д 62

Перевод с английского
Людмилы Бриловой, Сергея Сухарева

Серийное оформление Евгения Савченко

© Л. Брилова, перевод, 2016
© С. Сухарев, перевод, 2016
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2017
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-12899-6

ЭТЮД
В БАГРОВЫХ
ТОНАХ

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЕЙ (1893)

Поскольку в «Этюде в багровых тонах» читатель знакомится с Шерлоком Холмсом и его методами работы, издатели решили привести здесь заметку о Шерлоке Холмсе, которую доктор Джозеф Белл, прежний учитель доктора Дойла и прообраз Шерлока Холмса, опубликовал недавно в «Букмэне». Несомненно, она весьма заинтересует читателей, которые увидят ее впервые.

По словам доктора Дойла, опубликованным на страницах «Стрэнд мэгэзин», доктор Белл, принимая пациентов, проявлял «интуицию поистине поразительную». Вот вам первый случай.

«„Вижу, — говорит доктор Белл, — вы злоупотребляете выпивкой: у вас и сейчас при себе фляжка — во внутреннем кармане на груди“.

А вот другой.

„Как вижу, сапожник“. Повернувшись к студентам, доктор Белл указывает на изношенные на коленке брюки этого человека. Там он держал выколотку — так делают только сапожники.

Все это очень меня поразило. Я наблюдал его постоянно: зоркие, пронизательные глаза, орлиный нос, необычные черты. Он сидел в кресле, сложив пальцы домиком (руки у него были очень подвижные), и просто смотрел на пациента или пациентку. Со студентами он обращался ласково, по-дружески и обучал их очень добросовестно; уехав по окончании университета в Африку,

я не забыл яркую индивидуальность моего прежнего преподавателя, его проницательность и такт, хотя и представить себе не мог, что в конце концов эти воспоминания побудят меня бросить медицину и заняться литературой».

Что доктор Дойл решил «бросить медицину и заняться литературой» и к чему это привело, известно всем. И поскольку Шерлок Холмс сделался добрым знакомым каждой семьи и едва ли не общественной институцией, издатели «Этюда в багровых тонах» полагают, что рассказ о том, как доктор Дойл обучался профессии и как сформировалась у него привычка к точному наблюдению, будет интересен многим читателям. Приносим нашу искреннюю благодарность доктору Дойлу, доктору Беллу, а также издателю и владельцам «Букмэна» за любезное разрешение воспроизвести здесь эту статью.

Доктор Джозеф Белл «МИСТЕР ШЕРЛОК ХОЛМС»

Вот недурная примета последнего десятилетия: в наш вялый, обветшавший век даже у самых простецких из наших современников, как говорится, «светлеет в голове». Светские журналы порождают, а ежедневные газеты подпитывают ненасытный, сладострастный интерес к жизни высших классов. Такие сведения ничего не дают уму и ведут к упадку морали; от них не развивается ни одно из чувств и слабеет воображение. Знаменитости в домашней обстановке, иллюстрированные интервью, светские скандалы на всех уровнях — обо всем этом приятно чесать языками. Мемуары, воспоминания, анекдоты из юридической или научной среды представляют ценность куда большую, бросая новый свет на историю, но и они служат не более чем развлечению, помогают убивать время, которым мы разучились дорожить. В последние годы, однако, отчетливо проявляется спрос на книги, которые хотя бы в малой степени дают пищу уму и стимулируют наблюдательность. Цикл «Егерь у себя дома» и ему подобные сочинения, к примеру, открывают глаза горожанам, не знакомым с Уайтом из Селборна (или его подзабывшим), на то, какой прекрасный мир образов и звуков является тому, кто умеет наблюдать. Подобный же интерес возбуждает и «жуткая улица в городе тесном», если связать ее с криминальной романтикой, с загадками и их решением, как это делают более или менее остроумно авторы так называемой детективной литературы,

поток которой затапливает страницы периодических изданий. Ни один газетный киоск не обходится без детектива за шиллинг, ни один журнал, стремящийся увеличить свой тираж, не пренебрежет повестями о грабежах и убийствах. Большая их часть — невысокого пошиба: запутанная интрига сводится на нет в первой же главе, совпадения невероятны, сыщики наделены неправдоподобной интуицией, полагаются не столько на улики, сколько на озарения, для окружающих совершенно непонятные; они однообразны, от этого скучны, и если чем-то интересны, то не методами расследования, а исключительно результатом. Мы можем восхищаться Лекоком, но не представляем себя на его месте. Заслуженный успех доктора Конан Дойла как автора детективных рассказов и успех его героя, сделавшегося любимцем всех британских мальчишек, объясняется изумительным остроумием метода. Он демонстрирует, с какой легкостью умелый наблюдатель вызнает массу подробностей о жизни своих ни в чем не повинных и ничего не подозревающих друзей и далее, при помощи тех же приемов, разоблачает преступника и подробности его злодеяния. Нет ничего нового под солнцем: Вольтер научил нас методу Задига, и каждый толковый преподаватель медицины и хирургии повторяет в своей повседневной практике этот метод и его результаты. Точное, вдумчивое наблюдение и оценка мелких различий — одно из важнейших условий правильного диагноза. Перенесите эту методику в обычную жизнь, добавьте ненасытную любознательность и обостренную восприимчивость — и получится Шерлок Холмс, повергающий в изумление своего туповатого друга Ватсона; перенесите ее в профессиональную сферу — получится Шерлок Холмс, искусный сыщик.

Будучи студентом-медиком, доктор Конан Дойл научился наблюдать, а врачебная практика в качестве терапевта и специалиста дала ему — человеку, наделенному зрением, памятью и воображением, — возможность отточить это умение. Глаза, способные видеть, уши, способ-

ные слышать, память, способная удерживать и воспроизводить впечатления органов чувств, воображение, способное сплести версии и соединять порванные цепочки, распутывать запутанные клубки, — таковы орудия диагноста, которыми он владеет сполна. А поскольку наш доктор к тому же прирожденный рассказчик, ему останется только выбирать, станет ли он писать детективные рассказы или прибережет свои силы для большого исторического романа, такого как «Белый отряд». Сайм, один из самых крупных специалистов, когда-либо обучавших хирургической диагностике, любил приводить сравнение, которое, будучи традицией его школы, наложило отпечаток на метод доктора Конан Дойла: «Старайтесь изучить облик болезни или повреждения так же точно, как помните облик, походку, жесты ближайшего друга». Друга вы различите сразу даже в толпе; пусть вокруг много одинаково одетых людей, у всех похожие глаза, носы, волосы, руки и ноги; пусть все их отличия состоят в мелочах, и все же, зная эти мелочи, вы с легкостью установите диагноз или узнаете близкого человека. Так же обстоят дела и с болезнями души, тела или морали. Расовые признаки, наследственные черточки, акцент, работа или ее отсутствие, образование, среда — все эти незначительные обыденные воздействия постепенно формируют индивида, оставляют на нем подобие отпечатков пальцев или следов резца, которые способен распознать эксперт. Общие признаки, даже на беглый взгляд свидетельствующие о сердечных заболеваниях, чахотке, хроническом алкоголизме или длительной кровопотере, способен распознать и самый зеленый новичок в медицине, однако лишь мастер своего искусства оценит сотни примет, которые говорят о многом, но только тому, кто умеет их услышать. Недавно вышла объемистая и очень толковая книга об одном-единственном симптоме — пульсе; любому, кроме опытного врача, это сочинение покажется таким же нелепым, как бессмертный трактат Шерлока Холмса о ста четырнадцати разновидностях табачного

пепла. Самое большое достижение последних лет в области медицинской профилактики и диагностики — это бактериологические исследования, позволяющие различать микроорганизмы, которые распространяют холеру и лихорадку, туберкулез и сибирскую язву. Важность этих бесконечно малых организмов трудно переоценить. Достаточно отравить колодец в Мекке бактериями холеры, и святая вода, которую увозят в бутылках пилигримы, инфицирует целый континент, и все морские порты христианского мира ужаснутся лохмотьям жертв моровой язвы.

Привыкнув замечать и оценивать мелкие детали, доктор Дойл понял: чтобы заинтересовать неглупого читателя, нужно сделать его доверенным лицом, раскрыть свои методы работы. Он создал сообразительного, проницательного героя, наполовину врача, наполовину музыканта, располагающего свободным временем и цепкой памятью, а кроме того, наделенного едва ли не главным даром — умением освобождать свой мозг от бремени ненужных подробностей. Холмс говорит Ватсону: «В чердачке своего мозга следует хранить всю мебель, которая может тебе пригодиться, а остальную выставить в чулан своей библиотеки, откуда ее можно достать в случае необходимости». Притом его живейшим образом интересуют незначительные следы, отпечатки, отметины, оставленные средой, трудом, ремеслом, поездками, — все, что может послужить пищей его ненасытной любознательности, едва ли не бесчеловечной, поскольку она не направлена на человеческую личность. Автор присваивает герою роль сыщика-любителя, свободного по этой причине от ответственности; к нему обращаются по множеству разнообразных поводов, и мы узнаем, каким образом он справляется с задачей. По воле автора герой объясняет добропорядочному Ватсону банальные, или мнимо банальные, звенья в цепи доказательств. После этого они становятся столь незамысловаты и очевидны, что простодушный читатель тут же говорит себе: я тоже так могу;

жизнь — не такая уж скучная штука; я буду бдителен и до многого докопаюсь. Золотые часы с поцарапанным отверстием для ключа и отметками ростовщиков поведали ему все о брате Ватсона. Пыльный старый котелок сообщил, что его владелец уже не первый год попивает и вчера постригся. Крохотный шип и зловецкий отпечаток ноги, оставленный не ребенком и не обезьяной, помог Холмсу опознать и поймать туземца с Андаманских островов. Но, несмотря на все это, вы говорите: тут нет ничего чудесного, мы тоже так можем.

Квалифицированные врачи и хирурги каждый день, принимая самых скромных пациентов, проделывают схожие рассуждения, в меру своих сил, кто быстрее, кто медленней; опытные — почти автоматически, новички — с трудом, часто наугад, но каждому требуются те же простейшие средства: органы чувств, чтобы воспринимать факты, а также образование и ум, чтобы использовать полученные сведения. Одной только остроты зрения и слуха недостаточно. Следопыт-индеец расскажет вам, что следы на листве оставлены не краснокожим, а бледнолицым, потому что судит по форме отпечатка, но только эксперт, разбирающийся в коже для обуви, способен определить, где эта обувь шита. Зоркий сыщик замечает отпечаток грязного или испачканного кровью пальца на бархате или зеркале, но необходимы познания такого специалиста, как Гальтон, чтобы проявить и закрепить выступы и бороздки на пятне и затем по их рельефу установить подозреваемого вора или убийцу. Шерлок Холмс обладает необходимой остротой чувств, а также специальной подготовкой и знаниями, позволяющими извлечь пользу из наблюдений; и он может позволить себе ознакомиться нас с секретами своего метода. Но созданием героя доктор Дойл не ограничился; в своих замечательных произведениях он проявил себя прирожденным рассказчиком. Ему хватает выдумки, чтобы создать отличную интригу и усложнить ее интересными поворотами; его язык — подлинный, мощный, свободный от вычурности

англосаксонский; к тому же он не грешит многословием. Он понимает, сколь приятна краткость и как скучны затяжки, и потому создал истории, которые успеваешь прочитать между обедом и кофе, не рискуя забыть начало, прежде чем доберешься до конца. Обычные детективы, от Габорио и Буагобея до новейших сенсационных романов, заставляют читателя совершать ненужные и утомительные усилия, чтобы удержать в памяти все обстоятельства преступления и возникающие на каждом шагу ложные следы. У доктора Дойла вы не забудете ни одного происшествия и не упустите ни одной важной детали.

ЧАСТЬ I

(Из воспоминаний доктора медицины Джона Х. Ватсона,
бывшего хирурга Военно-медицинского управления)

Глава I МИСТЕР ШЕРЛОК ХОЛМС

Получив в 1878 году в Лондонском университете диплом доктора медицины, я прошел затем в госпитале Нетли подготовку к службе армейским хирургом. По завершении курса меня, в звании помощника хирурга, записали в Пятый нортамберлендский стрелковый полк. В ту пору полк находился в Индии, и, прежде чем я успел туда добраться, началась Вторая афганская война. Высадившись в Бомбее, я узнал, что мой корпус преодолел горную местность и значительно углубился во вражескую территорию. Однако я, вместе со многими другими офицерами, оказавшимися в таком же положении, сумел благополучно добраться до Кандагара, где нагнал свой полк и приступил к новым обязанностям.

Афганская кампания принесла многим ее участникам славу и чины, на мою же долю выпали одни злосчастья. Из моей бригады меня перевели к беркширцам, с ними я участвовал в роковом сражении при Майванде. Там меня ранило в плечо пулей из джезайла, которая раздробила кость и задела подключичную артерию. Я попал бы в руки кровожадных гази, если бы не преданность и мужество моего ординарца Марри: он погрузил меня на вьючную лошадь и благополучно доставил в расположение нашей пехоты.

Страдающего от раны и изнуренного долгими невзгодами, меня, вместе со многими другими бедолагами, перевезли в главный госпиталь в Пешаваре. Там я окреп,

мог уже ходить по палате и даже нежиться на веранде, но вскоре подхватил брюшной тиф — истинное проклятье наших индийских владений. Несколько месяцев моя жизнь висела на волоске, а когда я наконец пришел в себя и начал поправляться, медицинский консилиум, ввиду слабости и истощенности пациента, определил, что его надлежит немедленно отослать обратно в Англию. Так я взошел на борт войскового транспорта «Оронтес» и месяцем позднее высадился на причале Портсмута. Здоровье мое оказалось безвозвратно расстроено, однако благодаря отеческой заботе властей мне было дано девять месяцев, чтобы его поправить.

Не имея в Англии ни единой родной души, я оказался свободен как воздух — точнее, свободен в меру своего дохода, составлявшего одиннадцать шиллингов шесть пенсов в день. В таких обстоятельствах меня, естественно, потянуло в Лондон — великую клоаку, что принимает неостановимые потоки бездельников и дармоедов из всей Империи. Некоторое время я жил в частной гостинице на Стрэнде, ведя бессмысленное, безрадостное существование и тратя больше денег, чем мог себе позволить. С финансами стало так туго, что вскоре я понял: надо либо покинуть столицу и обосноваться где-нибудь в провинции, либо полностью поменять свой образ жизни. Выбрав второй вариант, я задумался о том, чтобы вместо гостиницы избрать себе жилище скромнее и дешевле.

В тот самый день, когда созрело это решение, я заглянул в бар «Крайтерин». Кто-то похлопал меня по плечу, и я, обернувшись, узнал молодого Стэмфорда, моего прежнего ассистента из «Бартса». Когда ты один-одинешенек, что может быть приятней, чем встретить в огромной пустыне, зовущейся Лондон, знакомое приветливое лицо? В старые времена мы никогда не были особо близки, но сейчас я тепло его приветствовал, а он, похоже, был искренне рад меня видеть. От избытка чувств я пригласил его на ланч в «Холборне», мы взяли хэнсом и отправились туда.

— Как вы жили-поживали все это время, Ватсон? — с нескрываемым любопытством осведомился Стэмфорд, пока мы катили по запруженным лондонским улицам. — Вы загорели до черноты и исхудали как щепка.

Я вкратце описал свои приключения, что заняло почти целиком время поездки.

— Бедняга! — посочувствовал он, выслушав мой рассказ. — И какие у вас теперь планы?

— Ищу квартиру, — ответил я. — Поставил себе задачу найти за разумную цену удобное жилье.

— Странное дело, — заметил мой спутник, — в точности то же я сегодня уже слышал.

— И от кого?

— От одного знакомого, он работает в химической лаборатории при нашем госпитале. Жаловался нынче утром, что не может найти сожителя: ему попалась премилая квартирка, но снимать ее в одиночку ему не по карману.

— Бог мой, если он действительно подыскивает компаньона, я-то ему и нужен. По мне, так вдвоем даже веселее.

Молодой Стэмфорд бросил на меня странный взгляд поверх бокала:

— Вы ведь не знакомы с Шерлоком Холмсом. Быть может, постоянное соседство с ним не придется вам по вкусу.

— Почему? Чем он плох?

— Я не говорю, что плох. Просто он немного того: страстно увлечен наукой, точнее, некоторыми науками. Насколько мне известно, он вполне приличный человек.

— Изучает медицину?

— Нет... понятия не имею, на что Холмс нацелился. Он поднаторел в анатомии и отлично знает химию, но, насколько мне известно, никогда не изучал медицину систематически. Его научные занятия причудливы и отрывисты, но он накопил такую уйму разрозненных сведений, что его профессоры были бы поражены.

— А вы не спрашивали, что у него на уме?

— Нет, его нелегко вызвать на откровенность, хотя под настроение он бывает довольно разговорчив.

— Пожалуй, я не прочь свести с ним знакомство. Если придется делить с кем-то жилье, пусть это будет человек спокойный, занятый наукой. Я еще недостаточно окреп, чтобы выносить шум и тревожнения. Всего этого мне с лихвой хватило в Афганистане. Как встретиться с этим вашим приятелем?

— Наверняка он в лаборатории, — предположил мой спутник. — Он либо неделями там не бывает, либо сидит с утра до ночи. Если хотите, поедем туда сразу после ресторана.

— Очень хорошо, — ответил я, и разговор свернул на другие предметы.

По дороге из «Холборна» в госпиталь Стэмфорд сообщил мне новые подробности о человеке, которому я собирался предложить соседство.

— Если вы не уживетесь, меня не вините, — сказал он. — Я с ним знаком только по случайным встречам в лаборатории. Это была ваша идея, так что не обессудьте.

— Если не уживемся, то разъедемся, да и все. Сдается мне, Стэмфорд... — Я пристально взгляделся в своего спутника. — Сдается мне, вы неспроста хотите умыть руки. В чем дело? У него такой уж скверный характер? Хватит ходить вокруг да около.

— Нелегко объяснять то, что объяснению не поддается, — усмехнулся Стэмфорд. — Холмс, на мой вкус, чересчур погружен в науку — я бы сказал, до бесчувствия. Могу вообразить, как он дает какому-нибудь приятелю щепотку новейшего растительного алкалоида — без всяких недобрых намерений, единственно из желания узнать, как он действует. В его оправдание: думаю, он с готовностью поставил бы тот же опыт на себе. Похоже, у него тяга к точному знанию.

— Очень правильная тяга.

— Если не доводить ее до крайности. Она выглядит несколько странной, когда он, к примеру, избивает палкой трупы в прозекторской.

— Избивает трупы?

— Да, чтобы выяснить, могут ли у мертвых возникнуть синяки. Я собственными глазами видел его за этим делом.

— И все же — предмет его занятий не медицина?

— Нет. А что именно — одному Богу известно. Но вот мы и пришли, и скоро вы сможете составить собственное представление о моем знакомом.

Мы свернули в тесный переулок и через низкую дверцу проникли в боковое крыло обширного госпиталя. Мне все здесь было знакомо, и я не нуждался в проводнике, пока мы поднимались по мрачной каменной лестнице и шли по длинному коридору с белеными стенами и серовато-коричневыми дверями. В дальнем конце, сбоку, виднелся арочный проход в химическую лабораторию.

В обширной комнате с высоким потолком стояло рядами и валялось в беспорядке великое множество склянок. Там и сям на широких и низких столах громоздились реторты, пробирки, мерцали голубыми огнями миниатюрные горелки Бунзена. Людей не было, кроме единственного исследователя; с головой уйдя в работу, он склонился над дальним столом. Заслышав шаги, он обернулся и вскочил с ликующим возгласом.

— Нашел, нашел! — крикнул он моему спутнику и с пробиркой в руках кинулся к нам. — Я нашел реактив, который осаждается гемоглобином и больше ничем. — На лице его сияла такая радость, словно он открыл золотую жилу.

Стэмфорд представил нас друг другу:

— Доктор Ватсон, мистер Шерлок Холмс.

— Как поживаете? — сердечно осведомился Холмс и сжал мою руку с такой силой, какой я от него не ожидал. — Вижу, вы побывали в Афганистане.

— Как вы узнали? — поразился я.

— Не важно, — отмахнулся он, довольно посмеиваясь. — Речь не об этом, а о гемоглобине. Вы, разумеется, понимаете, насколько важно это открытие?

— Химиков, конечно, оно заинтересует, однако для практики...

— Именно: для судебной-медицинской практики это самое настоящее открытие века. Подумайте только: мы теперь сможем безошибочно распознавать кровавые пятна. Смотрите-ка сюда! — Холмс нетерпеливо подтащил меня за рукав к своему рабочему столу. — Возьмем капельку свежей крови. — Он вонзил себе в палец длинную иглу и набрал немного крови в пипетку. — Теперь я растворяю эту капельку в литре воды. Можете убедиться: вода на вид ничуть не изменилась. Доля крови в смеси не превышает одну миллионную. Однако я уверен, что мы сможем получить характерную реакцию.

Холмс кинул в сосуд несколько белых кристаллов и добавил немного прозрачной жидкости. Содержимое мгновенно окрасилось в тускло-красный цвет, на дно стеклянной банки выпал коричневатый осадок.

— Ха! — Холмс захлопал в ладоши и просиял, как ребенок при виде новой игрушки. — Ну, что вы об этом думаете?

— Похоже, это очень чувствительная методика, — заметил я.

— Отличнейшая! Прежняя — с гваяковой камедью — очень неудобная и неточная. То же относится и к изучению частиц крови под микроскопом — это возможно только в первые часы. А мой метод действует независимо от давности пятна. Если бы его изобрели раньше, сотни преступников, гуляющих сейчас на свободе, понесли бы кару за свои злодеяния.

— А ведь и правда! — пробормотал я.

— Многие расследования зависят именно от этого обстоятельства. Человека подозревают в преступлении, совершенном не один месяц назад. На белье или одежде

подозреваемого находят бурые пятна. Что это: кровь, уличная грязь, ржавчина, плодовый сок? Вопрос ставил в тупик всех экспертов, а почему? Потому что не было надежного теста. Теперь же имеется тест Шерлока Холмса и обо всех затруднениях можно забыть.

Победно сверкая глазами, Холмс прижал руку к сердцу и раскланялся в ответ на аплодисменты воображаемой толпы.

— Что ж, поздравляю, — заметил я, немало удивляясь его пылу.

— Возьмем прошлогоднее франкфуртское дело. Если бы мой тест уже существовал, фон Бишоффа наверняка бы вздернули. А Мейсон из Брэдфорда, а пресловутый Мюллер, Лефевр из Монпелье, Сэмсон из Нового Орлеана? Я могу назвать дюжину случаев, когда этот метод сказал бы решающее слово.

— Вы похожи на ходячий справочник по преступлениям, — рассмеялся Стэмфорд. — Могли бы выпускать такого рода газету. Под названием «Стародавние полицейские новости».

— Небезынтересное было бы чтение, — заметил Шерлок Холмс, заклеивая палец кусочком пластыря. — Надо остерегаться, — улыбнулся он, обращаясь ко мне, — ведь каких только ядов не перебывало у меня на столе.

На его протянутой руке я заметил множество таких же кусочков пластыря и участки кожи, обесцвеченные сильными кислотами.

— Мы пришли по делу, — сказал Стэмфорд, усаживаясь на трехногий стул и подталкивая второй ко мне. — Мой друг подыскивает себе жилье, а вы жаловались, что никак не найдете, кто бы пожелал снять квартиру на паях с вами, вот я и подумал вас свести.

Мысль о том, чтобы делить жилье со мной, видимо, привела Шерлока Холмса в восторг.

— Я приглядел квартирку на Бейкер-стрит, — сообщил он, — удобней не придумаешь. Надеюсь, вы ничего не имеете против табачной вони?

— Я и сам курю матросский табак.

— Прекрасно. Я постоянно вожусь с химикалиями, иногда ставлю опыты. Вам это будет досаждать?

— Ничуть.

— Погодите, припомню остальные свои недостатки... Временами на меня нападает хандра и я по нескольку дней ни с кем не разговариваю. Когда такое случается, не надо думать, будто я сердит. Просто не трогайте меня — и скоро это пройдет. Ну а вам есть в чем признаться? Раз мы собираемся стать компаньонами, лучше заранее узнать друг о друге самое худшее.

Этот допрос меня насмешил.

— Я держу щенка бульдога, по причине расстроенных нервов не терплю шум и гам, поздно встаю по утрам и безобразно ленив. Когда здоров, я подвержен и другим порокам, но пока что в основном обхожусь этими.

— А игру на скрипке вы относите к шуму и гаму? — встревожился Холмс.

— Зависит от исполнителя. Искусная игра — это пир богов, а вот плохая...

— А, ну тогда все в порядке. — Холмс рассмеялся. — Думаю, мы можем ударить по рукам... если, конечно, вам понравится квартира.

— Когда мы ее посмотрим?

— Встретимся здесь завтра в полдень, поедем туда и все уладим.

— Отлично... ровно в полдень.

Я пожал Холмсу руку.

Оставив его наедине с химикалиями, мы со Стэмфордом направились пешком к моей гостинице.

— Кстати... — Я остановился. — Как, во имя всего святого, он догадался, что я прибыл из Афганистана?

Стэмфорд загадочно улыбнулся:

— Вот этим он и отличается от остальных людей. Многие желали бы знать, как он доискивается до таких вещей.

— А, так это тайна? — воскликнул я, потирая руки. — Заинтригован! Спасибо, что свели меня с ним. Ведь, как вам известно, «предмет людской науки — человек».

— Тогда его и изучайте, — сказал Стэмфорд на прощанье. — Правда, вам с ним придется непросто. Пари держу, он уже знает о вас больше, чем вы о нем. До свиданья.

— До свиданья. — И я пошагал к гостинице, размышляя о своем новом знакомце.

Глава II НАУКА ДЕДУКЦИИ

На следующий день мы, как было условлено, встретились и осмотрели квартиру в доме 221Б по Бейкер-стрит, о которой в прошлый раз говорил Холмс. В ней оказались две удобные спальни и просторная общая гостиная с уютной мебелью и двумя широкими окнами. Жилье было во всех отношениях превосходным, арендная плата, поделенная на двоих, очень умеренной, так что сделка была заключена тут же, на месте, и мы сразу вступили во владение. Тем же вечером я привез из гостиницы свои вещи, а наутро моему примеру последовал Шерлок Холмс со своими сундуками и чемоданами. Почти два дня ушло на то, чтобы распаковать и разложить наш скарб. После этого мы начали постепенно обживаться и привыкать к новой обстановке.

Холмс оказался неплохим соседом — тихим, ведущим размеренную жизнь. Ложился он обычно не позднее десяти, завтракал и уходил на улицу, пока я еще спал. День он проводил либо в химической лаборатории, либо в прозекторской; временами совершал длительные прогулки — похоже, в наименее респектабельные районы города. Когда на него находил стих, он работал как проклятый, но иногда наступала реакция, и он целыми днями

лежал на диване в гостиной, не говоря ни слова и не шевелясь. В таких случаях взгляд моего соседа делался мутным и отсутствующим, и я бы заподозрил его в употреблении какого-то наркотика, если бы не знал, насколько умеренную, безупречную жизнь он ведет.

Неделя шла за неделей, а меня все больше донимало любопытство — хотелось узнать, что за человек мой компаньон и каковы его жизненные цели. Даже его внешний вид сразу привлекал к себе внимание. Ростом он превышал шесть футов, а из-за редкостной худобы казался еще выше. Взгляд острый, пронизывающий (за исключением описанных выше периодов апатии); нос тонкий, ястребиный, что делало облик Холмса еще более настроженным и целеустремленным. Подбородок, выдающийся и квадратный, также обличал человека решительного. Руки, вечно в пятнах от чернил и химикалий, тем не менее были способны к движениям самым нежным и аккуратным — я заметил это, наблюдая, как Холмс обращается с хрупкими принадлежностями при натурфилософских опытах.

Читатель заклеит меня как любителя совать нос в чужие дела, если я признаюсь, насколько овладело мной любопытство, как часто пытался я сорвать завесу молчания, за которой Холмс скрывал все, что касалось его личных обстоятельств. И все же, прежде чем судить, подумайте о том, насколько тусклой была моя жизнь и как приходилось хвататься за все, способное ее расцветить. По слабости здоровья я почти все время сидел дома, позволяя себе выходить на улицу только в самую хорошую погоду, и это монотонное существование не оживлялось ни одним дружеским визитом. Стоит ли удивляться поэтому, что я с жадной заинтересованностью взялся разгадывать тайну, окружавшую моего компаньона, и этому занятию посвятил немало времени.

Нет, Холмс не изучал медицину. Он сам, в ответ на какой-то случайный вопрос, подтвердил слова Стэмфорда. Осваивал ли он какой-либо курс наук, дабы получить

ученое звание и обеспечить себе положение в научном мире? Нет, на это ничто не указывало. В то же время он проявлял большое усердие в занятиях и приобрел настолько полные и детальные познания в очень причудливом круге областей, что оставалось только поражаться. Затрачивать такие усилия, накапливать такие точные сведения и при этом не иметь в виду определенной цели? Случайный студент не станет вдаваться в подобные детали. Чтобы обременять ими свой мозг, нужны особые, веские резоны.

Не менее, чем его познания, поражала его неосведомленность. О современной литературе, философии, политике Холмс, похоже, не знал почти ничего. Однажды я процитировал Томаса Карлейля, и Холмс пренаивно осведомился, кто это такой и чем прославился. Но еще больше я удивился, когда обнаружил случайно, что Холмс не знаком с учением Коперника и не представляет себе, как устроена Солнечная система. Чтобы цивилизованный человек в девятнадцатом веке не знал, что Земля вращается вокруг Солнца, — такое просто не укладывалось у меня в голове.

— Похоже, я вас изумил, — улыбнулся Холмс, взглянув на мою вытянувшуюся физиономию. — Но теперь вы меня просветили, и я постараюсь быстрее выбросить эти сведения из головы.

— Выбросить из головы?

— Видите ли, — объяснил Холмс, — по-моему, мозг человека похож на пустой чердачок, который вы оставляете по своему желанию. Дурак тащит туда весь хлам, что попадет под руку, так что для нужных вещей не остается места или, в лучшем случае, их трудно найти в этой куче. А толковый профессионал очень тщательно отбирает то, что будет хранить на своем чердаке. Ему не нужно ничего, кроме того, что пригодится в работе, но такие вещи он запасает в большом разнообразии и содержит в идеальном порядке. Ошибется тот, кто подумает,

будто стены у чердака эластичные и вместимость безграничная. Поверьте, со временем обнаруживаешь, что, если требуется место для новых знаний, надо забыть что-то из старых. А следовательно, важно, чтобы бесполезные знания не вытесняли полезные.

— Но Солнечная система! — запротестовал я.

— А что мне от нее проку? — нетерпеливо прервал меня Холмс. — Вы говорите, Земля вращается вокруг Солнца. С тем же успехом она могла бы вращаться вокруг Луны — на моей работе это никак не скажется.

Я чуть не спросил, в чем же состоит его работа, но, сам не зная почему, решил, что вопрос будет нежелателен. Тем не менее наша краткая беседа засела у меня в сознании, и я принялся гадать. Холмс сказал, что не накапливает ненужных знаний. Следовательно, все его знания относятся к нужным. Я мысленно перечислил все научные области, относительно которых Холмс выказал обширную осведомленность. Я даже взял карандаш и составил перечень, а завершив запись, невольно улыбнулся. Она выглядела так:

Шерлок Холмс. Познания

1. Литература — никаких.
2. Философия — никаких.
3. Астрономия — никаких.
4. Политика — скудные.
5. Ботаника — отрывочные. Хорошо осведомлен относительно белладонны, опиума и ядов вообще. Ничего не знает о садоводстве.
6. Геология — сведения в узкой практической области. С одного взгляда опознает различные виды почв. После прогулки, беседуя со мной, по цвету и консистенции пятен определил, в какой части Лондона забрызгал себе брюки.
7. Химия — глубокие.
8. Анатомия — точные, но не систематические.

9. *Сенсационная литература — обширнейшие. Похоже, он помнит все подробности всех совершенных в нашем веке злодеяний.*

10. *Хорошо играет на скрипке.*

11. *Мастерски владеет стальной и деревянной рапирой, боксирует.*

12. *Обширные практические познания в области британского права.*

Дойдя до этого пункта, я отчаялся и бросил перечень в камин.

«Выходит, — сказал я себе, — пока не станет ясно, что связывает между собой эти навыки и в каком ремесле все они потребны, я не пойму, чему он намерен себя посвятить? Коли так, то лучше и не пытаться».

Я упомянул, что Холмс искусно играл на скрипке, но, как и в прочих своих талантах, не обходился без причуд. Он с легкостью исполнял известные произведения, причем сложные, — в этом я убедился, потому что сам просил его сыграть «Lieder»¹ Мендельсона и другие любимые пьесы. Однако, когда Холмс бывал предоставлен сам себе, его игра не походила на музыку; в ней не прослеживалось даже подобия связной мелодии. Вечером, откинувшись на спинку кресла, он закрывал глаза и небрежно водил смычком по скрипке, которая лежала у него на коленях. В пении струн слышались то грусть, то прихотливое веселье. Несомненно, оно отражало владевшие Холмсом мысли, но была ли его игра подспорьем мыслям или просто причудой воображения, оставалось только гадать. Я мог бы восстать против этих жутких соло, но обычно, как небольшая награда за мое терпение, концерт завершала череда моих любимых мелодий.

В первую неделю к нам никто не приходил, и я начал думать, что мой компаньон такой же одинокий человек, как я сам. Вскоре, однако, я убедился, что знакомства его

¹ «Песни» (нем.).

Содержание

ЭТЮД В БАГРОВЫХ ТОНАХ

Перевод Л. Бриловой

Предисловие издателей	7
Доктор Джозеф Белл. «Мистер Шерлок Холмс»	9

ЧАСТЬ I

(Из воспоминаний доктора медицины Джона Х. Ватсона,
бывшего хирурга Военно-медицинского управления)

Глава I. Мистер Шерлок Холмс	15
Глава II. Наука дедукции	23
Глава III. Загадка Лористон-Гарденз	33
Глава IV. Что рассказал Джон Ранс	44
Глава V. По нашему объявлению приходит посетитель ...	51
Глава VI. Тобайас Грегсон показывает, на что способен ...	58
Глава VII. Свет во тьме	68

ЧАСТЬ II

Страна Святых

Глава I. На великой солончаковой равнине	78
Глава II. Цветок Юты	88
Глава III. Джон Феррьер разговаривает с Пророком	95
Глава IV. Бегство	100
Глава V. Ангелы мщения	110
Глава VI. Продолжение воспоминаний Джона Ватсона, доктора медицины	119
Глава VII. Заключение	130

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Предисловие к изданию 1903 года	
<i>Перевод С. Сухарева</i>	139
Приключение I. Скандал в Богемии	
<i>Перевод Л. Бриловой</i>	142
Приключение II. Союз рыжих	
<i>Перевод Л. Бриловой</i>	168
Приключение III. Установление личности	
<i>Перевод Л. Бриловой</i>	194
Приключение IV. Тайна Боскомской долины	
<i>Перевод Л. Бриловой</i>	214
Приключение V. Пять зернышек апельсина	
<i>Перевод Л. Бриловой</i>	240
Приключение VI. Человек с вывернутой губой	
<i>Перевод Л. Бриловой</i>	261
Приключение VII. Голубой карбункул	
<i>Перевод Л. Бриловой</i>	287
Приключение VIII. Пестрая лента	
<i>Перевод Л. Бриловой</i>	310
Приключение IX. Палец инженера	
<i>Перевод С. Сухарева</i>	338
Приключение X. Знатный холостяк	
<i>Перевод С. Сухарева</i>	362
Приключение XI. Диадема с бериллами	
<i>Перевод С. Сухарева</i>	388
Приключение XII. Усадьба Медные Буки	
<i>Перевод С. Сухарева</i>	415

Дойл А. К.

Д 62 Этюд в багровых тонах : роман, рассказы / Артур Конан Дойл ; пер. с англ. Л. Бриловой, С. Сухарева. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 448 с. — (Мировая классика).

ISBN 978-5-389-12899-6

Английский врач и писатель сэр Артур Конан Дойл известен всему миру как непревзойденный мастер детективного жанра, автор множества произведений о гениальном сыщике Шерлоке Холмсе и его верном друге докторе Ватсоне. Классические переводы этих рассказов и романов, делавшиеся давно и множеством разных переводчиков, страдают известными недостатками: расхождения, пропуски, откровенные ошибки. Вашему вниманию предлагаются первый роман о великом сыщике «Этюд в багровых тонах» и следующий за ним сборник рассказов «Приключения Шерлока Холмса» в новых переводах Людмилы Бриловой и Сергея Сухарева — мастеров, чьи переводы Кадзуо Исигуро и Рэя Брэдбери, Фрэнсиса Скотта Фицджеральда и Чарльза Паллисера, Томаса Де Квинси, Германа Мелвилла и других давно стали классическими. Читателю гарантировано огромное удовольствие — как от решения занимательных задач на логику, гибкость ума, так и просто от интересного чтения.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

АРТУР КОНАН ДОЙЛ
ЭТЮД В БАГРОВЫХ ТОНАХ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Редактор Михаил Назаренко
Художественный редактор Александр Балабанов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Наталья Хуторная, Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 28.02.2018. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 23,52.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-AMC-21030-03-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества
размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/